

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева ВЦ РАН
и Правительства РСО-Алания

АЗАЛИЯ ЦХУРБАЕВА

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ
О ВАСО

*Отрывки из хроники жизни
Василия Ивановича Абаева
и Ксении Григорьевны Цхурбаевой*

Владикавказ 2014

ББК 83.3

Ц91

ЦХУРБАЕВА АЗАЛИЯ. ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О ВАСО:
Отрывки из хроники жизни Василия Ивановича Абаева
и Ксении Григорьевны Цхурбаевой. – Владикавказ: ИПЦ
СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 99 с.

ISBN 978-591480-197-4

Ответственный редактор – **А.А. Туаллагов**

Книга посвящена личным воспоминаниям о жизни и
творчестве В.И. Абаева и К.Г. Цхурбаевой

ББК 83.3

ISBN 978-591480-197-4.

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН И РСО-А, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВАСО	10
КСЕНИЯ	81
ЭПИЛОГ	112

* * *

Азалия Григорьевна Цхурбаева — младшая сестра Ксении Григорьевны. Окончила ГИТИС в г. Москва. По специальности — искусствовед. В Северной Осетии работала в отделе искусств Министерства Культуры республики и одновременно читала курс лекций по истории искусств на художественно-графическом отделении педагогического училища и по истории театра в училище искусств. С 1961 г. работала в Государственном Комитете телевидения и радио при Совете Министров СОАССР, с первых дней его открытия. В 1977 г., в связи с приглашением на работу, уехала на Украину вместе с супругом — артистом Русского Драматического театра г. Владикавказ Тищенко Дмитрием Кондратьевичем. В последующие годы полностью занялась педагогической деятельностью в музыкальном училище Леонтовича, где вела курс по истории искусств и одновременно читала лекции для работников культуры в системе ЦК Профсоюзов Украины. С 1981 г. проживает в Кишиневе, где продолжает творческую деятельность как доцент-искусствовед.

Дорогой читатель!

В предложенном мною очерке вы найдете немало субъективного. Но иначе и быть не может. Я не ставлю своей задачей вести здесь протокольную запись виденного и слышанного от самого Василия Ивановича или анализировать научную деятельность Василия Ивановича Абаева — крупного лингвиста, лауреата Государственной премии СССР, доктора филологических наук, профессора, академика, действительного члена Азиатского Королевского Общества Великобритании, действительного члена-корреспондента Финно-угорской академии в Хельсинки, почетного члена Российской академии естественных наук, заслуженного деятеля Грузинской ССР и Северо-Осетинской АССР.

В этой работе я хочу передать все то, что за многие годы общения в нашем семейном кругу запечатлелось в моей памяти, как я понимала и чувствовала близких и дорогих мне людей. Это, в своем роде, некая документальность, поэтому постараюсь передать основные черты характера незаурядного, неординарного человека, нашего Васо, каким я его представляла и знала на протяжении 40 лет, человека мыслей, чувств и деяний.

Легко тем, кто день за днем ведет дневниковые записи наиболее памятных событий предшествующих дней и лет, которые впоследствии могут дать богатый и неоценимый материал. Я этого не

делала, но постараюсь, теперь уже по истечении многих лет, ввести читателя в исключительный мир Василия Ивановича, мало известный для окружающих — мир его быта и интересов, бесед с моей сестрой и со мной, с близкими ему людьми разных убеждений и мировоззрений. Я поделюсь тем, особенно индивидуальным в его взглядах, образе жизни, привычках, что составляло его характер. Эту индивидуальность я когда-то назвала «Абаевской».

То, что помню, что еще свежо и хранится в памяти о Василии Ивановиче, станет, надеюсь, интересным для тех, кто мало представлял его в жизни, как человека, как друга и супруга Ксении Григорьевны — моей старшей сестры, музыковеда, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, кандидата искусствоведческих наук, доцента Московского института культуры.

Человеку, как часто случается, трудно писать, потому что он видит события, время, людей уже сквозь дымку десятилетий. Поэтому заранее приношу извинения за пробелы, которые могут возникнуть у читателей, лично знающих Василия Ивановича. Но надеюсь, что те памятные знаковые черты характера, о которых я поведу речь, дадут ряд живых зарисовок уклада жизни его семьи — двух дорогих моему сердцу людей.

*Азалия Цхурбаева — искусствовед.
г. Кишинев. 2013.*

*Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе на прокат.*

Омар Хайям

ВАСО

Когда-то село Всехсвятское и поселок Сокол... Сегодня, конечно, не село и не поселок, а многолюдный район на Ленинградском проспекте. По этой дороге, по преданию, около 230 лет назад, через ухабы, ехал слаженный возок, и в нем везли в Москву пушкинскую героиню Татьяну Ларину. Памятное место, не правда ли!

Вот здесь-то, на Новопесчанной улице (впоследствии ул. Вальтера Ульбрихта) в доме № 21, в скромной небольшой квартире № 2 с 1951 г., после перевода из Ленинградского научно-исследовательского института языка и мышления, до последних дней своей жизни жил Василий Иванович.

Мое повествование о Василии Ивановиче имеет истоки с 1950 г., когда я, будучи студенткой историко-филологического факультета Владикавказского (тогда Дзауджикау) педагогического института, впервые познакомилась с некоторыми его трудами, изучая курс языкознания. В 1952 г. я жила уже в Москве, поступила в Московский Государственный институт театрального искусства

им. Луначарского (ныне Академия театрального искусства). Имея свободное от лекций окошко и зная расписание Василия Ивановича в МГУ на Моховой, где в то время он вел курс востоковедов, я считала для себя счастьем присутствовать на его интереснейших лекциях, причем, без официального на то разрешения. Тем более, что от Арбата до Моховой я пробегала пешком. Естественно, я остерегалась, что меня могут деликатно попросить из аудитории, поэтому стеснялась не только подойти и познакомиться, а, наоборот, садилась за последний стол, чтобы быть незамеченной.

С момента первого с ним знакомства мне запомнилось его скульптурное лицо, сухой нос, чуть с горбинкой, узкие, твердо вылепленные губы. Обратила я тогда внимание на отсутствие привычки жестикулировать. Руки Василия Ивановича всегда спокойно лежали на кафедре. Речь была окрыленной, каждая фраза — отточенной. Привлекала особое внимание та простота, с которой он общался со студентами. Это было мое первое впечатление о нем, которое я вынесла из стен МГУ.

О его биографии известно многим. Но я все-таки вкратце представлю ее для тех, кто мало знает Василия Ивановича — ровесника трудового века. Сам он о своей биографии распространялся всегда коротко и скромно. Родился 15 декабря

1900 г. в высокогорном ущелье центральной части Главного Кавказского хребта, в с. Коби. Начальное образование получил в местной школе, среднее — в Тифлисской классической гимназии. Затем работал учителем в родном селе в течение всей гражданской войны. В 1922 г. уехал в Петроград, где поступил в электро-механический институт, не имея особого интереса к точным наукам. Через год он переходит в Университет, на иранский разряд этнолого-лингвистического отделения, учеба в котором была его давней мечтой, и заканчивает его с большим успехом за три года вместо пяти. Уже в 1924 г., во времена его студенчества, были опубликованы его первые научные труды. В период с 1925 по 1928 гг. учится в аспирантуре. В 1935 г. довольно молодому ученому присуждена степень кандидата филологических наук (без защиты диссертации). С 1935 по 1940 гг. он занимает должность заведующего иранским кабинетом Института языка и мышления. В январе 1941 г. Василий Иванович был командирован в Осетию для научной работы — консультантом по изданию Нартовского эпоса. Там и застала его война. До 1945 г. он работал в Северной и Южной Осетии в научно-исследовательских институтах. По приезду в Ленинград Василий Иванович вернулся в свой родной Институт языка и мышления, а в 1951 г. его перевели в Москву в Институт языкознания Академии Наук

СССР. В Москве ему за большие научные заслуги была присуждена степень доктора филологических наук («HONORIS CAUSE»), опять-таки без защиты диссертации. На мой вопрос, почему «HONORIS CAUSE», Василий Иванович отвечал: «Защита — это формальность, я не тратил время на эти процедуры».

Жизнь этого замечательного человека началась в Российской империи. Перед его глазами прошла вся история образования и развития СССР и, наконец, все постсоветские годы. Самоотверженный ученый всегда был предан своему делу. Людям, которые с ним общались, всегда передавался огромный заряд его энергии, которая жила в нем благодаря огромной любви к своей науке.

В те далекие годы моей молодости я еще и представить не могла, что этот выдающийся человек станет так близок нам, и наша семья будет родственно связана с жизнью и судьбой Василия Ивановича. Позднее, много лет спустя, когда я рассказала ему об эпизоде моих нелегальных посещений его лекций в МГУ, он очень удивился моей смелости и вместе с тем укорял меня, что я тогда не подошла к нему представиться. Частенько во время моих приездов в Москву, в кругу семьи за чашкой вечернего чая, он вспоминал мой рассказ и восклицал, со своим слегка осетинским акцентом и благородной детской улыбкой: «Это интересно!».

Сестра моя, Ксения Григорьевна, в 1950-е гг. училась в институте имени Гнесиных, и, после его окончания, будучи аспиранткой, познакомилась с Василием Ивановичем. А было это так. Работая над своей диссертацией, Ксения пришла в поисках необходимых материалов в институт языкознания. Там и произошла их первая встреча. В 1960 г. Василий Иванович в возрасте 60 лет поднял вопрос о женитьбе. К своей молодой избраннице он относился очень трепетно и заботливо — ведь за его немалую жизнь это было впервые. На скромное бракосочетание в Москву были приглашены наша мама и я. Маму очень беспокоила разница в возрасте — 28 лет — это немало. Но, несмотря на ее опасения, их долгая совместная жизнь была наполнена счастьем, теплом и большим уважением друг к другу. А с нашей мамой у Василия Ивановича сложились самые лучшие отношения.

В это же время мы познакомились и с мамой Василия Ивановича, которая тогда жила вместе с ним. В Москве она очень скучала, ее постоянно тянуло на Родину, и Василий Иванович незадолго до ее кончины отвез ее в Цхинвал, где она и была предана земле. Из родственников у Василия Ивановича были братья — старший Семен жил в Цхинвале, средний Георгий — в Тбилиси. Василий был младшим братом в семье. Была у него также сестра Ольга, с которой на протяжении

последних лет Василий Иванович отношения не поддерживал. В Цхинвале жил также племянник Гега — сын Семена. Его дочь Фатима, с которой я позже встречалась дома у Василия Ивановича и Ксении раза три, училась в Москве. С остальными своими родственниками Василий Иванович общался редко, во время своих приездов в Цхинвал. Все понимали, что Васо очень дорожил своим временем. Режим его дня был довольно строгим, ведь он старался успеть закончить свой глобальный труд.

Для нашей семьи Васо стал очень близким родственником, а для меня еще и самым доверительным старшим другом. Василий Иванович заблаговременно до брака предупредил Ксению, что, скорее всего, у них не будет детей. Судьбе, действительно, не было угодно им их даровать. Этот вопрос об отсутствии у них детей не раз довольно деликатно задавался мне моими коллегами и знакомыми, но я никогда не объясняла этой причины. Теперь, когда Василия Ивановича и Ксении уже нет среди нас, я осмелюсь пролить свет на это вопрос, теперь уже не шепетильный. Во время его учебы в Петрограде его организм трудно переносил климат. Спустя несколько лет у него обнаружили очаг, был поражен тазобедренный сустав. Он подвергся соответствующей операции, после чего последовал приговор — бездетность. В дальнейшем всю свою жизнь

Василий Иванович пользовался тросточкой, так как в дополнение ко всему его сильно беспокоил артрит коленного сустава.

Ксения могла быть матерью, и она впоследствии очень страдала, впрочем, как и Васо. Ксения неоднократно обращалась ко мне с просьбой после рождения моей дочери произвести на свет еще одного ребенка и передать им на усыновление. Чужого брать они не отважились. А я не решилась иметь второго ребенка даже для себя. Через много лет Василий Иванович меня в этом упрекал и даже выказал некоторую обиду мне и моему супругу о нашем нежелании откликнуться на их просьбу. В этой ситуации дочь моя Зарина стала центром особенного внимания для них обоих. Еще маленькой я возила ее к ним в Москву, оставляя там на короткое время. Когда же приезжала, чтобы ее забрать домой, снова проступала глубокая грусть в глазах Васо и Ксении. Впоследствии приезды стали реже, так как Зарина уже училась в школе и только каникулы проводила со своей любимой тетей Ксенией и дядей Васо.

Насколько трепетно и внимательно Василий Иванович относился к детям, говорит один маленький эпизод. Это было перед рождением моей дочери в 1963 г. Василий Иванович в сентябре поехал во Францию на встречу с Жоржем Дюмезилем. Каково же было мое удивление, когда перед его отъездом я получила небольшую банде-

роль с его письмом-пожеланием. Он писал, что, если родится девочка, то не называть ее Мариной (почему он так решил — не знаю, у меня даже и мыслей не было на этот счет), а заменить заглавную букву на «З», и получится у нас Зарина. Так и выросла наша дочь с этим именем под чутким вниманием двух любящих ее сердец.

О его чутком отношении к детям можно судить еще по одному эпизоду, свидетелем которого я была и поэтому решила остановиться на нем, так как в этом был весь Василий Иванович. Летом они с Ксенией раз в неделю ездили погулять в Ботанический сад, посидеть у фонтанов на ВДНХ, после чего всегда обедали в ресторане «Колос». Это уже было традицией. Прогулки на природе всегда вызывали у Василия Ивановича восхищение, приподнятое настроение и неподдельную радость.

Во время одной из таких совместных прогулок, неподалеку от нас гуляли по парку молодые супруги с маленькой девочкой, лет четырех. Бегая, девочка отстала от родителей и совершенно раскованно беседовала с Васо. Когда же родители окликнули ее и хотели забрать, девочка, расплакавшись и уцепившись ручками за полы пиджака Василия Ивановича, во весь голос кричала: «Я хочу чвами», почему-то акцентируя на букву «ч». Это так умилило и раззадорило Васо, что он, взяв ребенка за руку, прошел с ней метров пять-

десять и, успокоив ее, передал родителям. Впоследствии, за чашечкой вечернего чая, после трудового дня он, шутя, вспоминал этот случай, говоря: «Я хочу чвами (с вами) посидеть». У Василия Ивановича при всей кажущейся строгости всегда и во всем выступала на первый план человечность. Он легко находил общий язык с детьми и молодежью.

Доброта, красота общения, благородство всегда отличали Василия Ивановича. Жизнь людей он старался воспринимать со светлой радостью. Но сквозь открытую, добрую улыбку иногда можно было заметить скрытую грусть во взгляде. При кажущейся строгости и замкнутости он, этот солидный человек, не лишен был детской непосредственности. Василий Иванович приезжал к нам на Украину, где в 1980-е гг. я жила со своей семьей. Гуляя по парку, кормил с рук белок. Заразительно смеялся, когда белка хватала орешек из его руки и, подняв хвост трубой, стремительно убегала, спеша спрятать свою находку.

Он мог часами наблюдать за птицами, слушать их пение. Любимым для него был сезон золотой осени с ее листопадом. Василий Иванович любил прогуляться с Ксенией по бульвару Куусинена, что около дома, или пройти к фонтану на улице Новопесчанной, посидеть на лавочке под осенними, еще теплыми лучами солнышка. Я не напрасно остановилась на этих эпизодах из жизни

Василия Ивановича, казалось бы, не особо значимых. Но здесь как нельзя ярко выявлялись эти самые значимые черты его характера — любовь к природе, к родному краю, окружающим людям, особенно к молодежи.

И сейчас, спустя столько лет, вспоминается его печальная задумчивость, нездоровая желтизна лица (он с 11 до 17 часов проводил за письменным столом), глаза, строго смотрящие на собеседника, будто в ожидании скорейшего ответа. При первом впечатлении он казался мрачноватым, недоступным человеком, сосредоточенным только на своих научных проблемах. Но это не так. Я была свидетелем и участником многих встреч в их доме, который всегда был очагом культуры. Там встречались молодые и маститые ученые, как отечественные, так и зарубежные, из разных областей науки и культуры. И для всех этих людей этот дом был светлым маяком мыслей и знаний.

Лично я очень благодарна Василию Ивановичу за долгие, интересные беседы, наставления во многих моих жизненных обстоятельствах, особенно в творческой деятельности. Разносторонне развитый, прекрасно образованный, Василий Иванович вел со мной интереснейшие беседы о театре, изобразительном искусстве, об искусствоведении, литературоведении. Общение с ним давало мне много интересного материала для

расширения моего кругозора, как искусствоведа.

Тесные дружеские отношения и большое взаимное уважение на протяжении многих лет связывало Василия Ивановича с академиком Дмитрием Лихачевым. Васо считал Лихачева, автора известных научных трудов и популярных очерков, одним из наиболее интеллигентных людей России. Несмотря на расстояния, они часто созванивались.

Знания Васо были удивительно обширны. Без всякого уничижения, надо сказать, порой мне было трудновато поддерживать с ним беседу на ту или иную тему, которую он часто затевал со мной за чашкой вечернего чая. Эрудиция его была огромна и разнообразна. Затрагивались порой и глобальные вопросы истории, философии, эстетики, с древности до современности. Часто упоминал он о духовном кризисе общества, как в нашей стране, так и на Западе.

Не могу не отметить, что Васо был большим любителем музыки, в особенности осетинской и русской классической. Маститый ученый, отдавший большую часть своей жизни науке, отлично уживался с женой — музыковедом, заслуженным деятелем искусств Российской Федерации, кандидатом искусствоведческих наук. Запомнились для меня и домашние вечера музыки, когда мы с дочерью гостили у них. Дочь с сестрой исполняли в четыре руки осетинские народные наигры-

ши, произведения Рахманинова, Чайковского, Шопена, Баха, Моцарта, Бетховена, Мендельсона. Очень любил Васо послушать отрывки из любимых опер и оперетт в переложении для фортепиано.

До 80-ти лет он с Ксенией Григорьевной часто посещал концертные залы, театры, восхищался хорошим спектаклем или исполнителем-музыкантом. А иногда отзывался объективно — критично. Он весь по-детски преображался, очень эмоционально слушал и удивлялся, когда Зарина исполняла что-то из его любимой музыки, спрашивал: «Как может ребенок запомнить целое сложное произведение наизусть?». Но ведь Зарина не была уж такой маленькой, она оканчивала музыкальное училище им. Леонтовича, затем была консерватория. Пошла по стопам своей любимой тети Ксении. А на вопрос Васо Ксения отвечала: «А как можно владеть столькими языками и наречиями (диалектами) и не запутаться?».

«А это просто», — скромно отвечал человек с неисчерпаемым запасом знаний. «Я просто работаю. То, что человеку дано от природы — он должен реализовывать, то есть работать, что я и делаю всю жизнь. Вот и весь секрет успеха». Казалось, что все в жизни для него было очень просто.

«Тут надо быть слушачом» — бывало, скажет он, хотя сам обладал, если не абсолютным, то

очень даже хорошим слухом и часто напевал с нами осетинские народные мелодии. Ксения ему играла, а он подпевал тихонько своим мягким тенором.

Теперь Зарина сама преподаватель учебного заведения. Она вышла замуж, подарила нам внука и внучку. Внук назван в честь моего супруга — артиста Владикавказского драматического русского театра Тищенко Дмитрия Кондратьевича, впоследствии режиссера телевидения на Осетинской горке. С внуком Димой Васо дружески общался, а вот с внучкой Юлией не успел. Она была маленькой, и видел он ее только на фотографиях. Мы в то время жили уже в Кишиневе. С внуком Василий Иванович часто беседовал — заберет его в кабинет и подолгу общается с ним на английском языке.

Спокойная, умиротворенная обстановка в доме позволяла всем, с кем он общался, чувствовать себя раскованно. По всему было видно его бережное отношение, как к детям, так и к взрослым людям. Иногда приход в гости моей бывшей студентки Заиры Токаевой, дочери драматурга Ашаха Токаева и заслуженной артистки Ани Дзукаевой, оживлял обстановку. Заира окончила Московский художественно-промышленный институт (книжное оформление) и работала тогда в Большой Советской Энциклопедии. В этой компании Васо любил вести интересные беседы и наслаждался музицированием.

Была у Васо еще одна привычка. В хорошем настроении он любил, проходя по длинному коридору квартиры, напевать арию из оперетты «Цыган — премьер»: «Я, цыганский барон, я в цыганку влюблен...». Ко всему он очень любил русские романсы. Его любимыми композиторами были Чайковский, Глинка, Даргомыжский, Алябьев, Варламов, Рахманинов, Свиридов.

Еще одна очень занимательная его увлеченность — Васо просил, чтобы ему читали что-либо наизусть. В основном это происходило после обеда или же после вечерней трапезы. Однажды он попросил меня написать что-нибудь интересное, памятное. Например, об имени И. С. Тургенева, которое мы посетили незадолго до этого втроем. Погода стояла дивная, было безветренно, солнечно, несмотря на то, что осень уже вступала в свои права в этих живописных краях орловщины. Те глубокие впечатления, которые я получила от этой поездки, послужили материалом для небольшой опозтезированной картинки.

Назвала я эту маленькую зарисовку — «Уголок великой славы». Эта миниатюра, написанная мною за ночь, пришлась Васо по душе. Он неоднократно просил меня ее почитать. Я приведу ее здесь в несколько сокращенном виде.

«Известное владение властной помещицы — матери И. С. Тургенева Варвары Петровны Лутвиновой. Небольшие ворота, тенистые аллеи

мохнатых сосен, раскидистых кленов и стройных березок ведут к барскому одноэтажному дому. Недалеко растет любимый дуб, заботливо посаженный писателем. Переживший хозяина и много повидавший на своем веку, старый дуб и по сей день шумит на ветру своей буйной листвой. Яркое разноцветье клумб, жужжание пчел, которые извлекали нектар из запоздалых уже цветов.

В обеденное время из небольшой деревенской церквушки раздался колокольный звон и, нарушая мирскую тишину, эхом пронесся по всему пространству этой святой земли. Забыть ощущение этого волшебного мироздания невозможно. Казалось, что вот-вот с ветхого деревянного крыльца сойдет великан с красивой гривой волос, этакий барственный Иван Сергеевич. Но звон утих.

День клонился к вечеру, и ничто не нарушало этой зачарованности и тишины одинокого дома, с крыльца которого уже никто никогда не выйдет из прежних его обитателей. В свое время здесь в гостях бывали Лев Толстой, Николай Некрасов, Дмитрий Григорович, Константин Аксаков, Петр Киреевский, великие Михаил Щепкин и Мария Савина — когорта гениальных литераторов-просветителей второй половины XIX века.

Уезжая из Спасского, я уносила с собой тепло и радостные мгновения, к которым прикоснулась в этом уголке земли нашей, и вслед поклонами

своей буйной листвы нас провожал могучий дуб Ивана Сергеевича. Вспомнились слова героя романа И. С. Тургенева «Рудин»: «Россия без каждого обойтись из нас может, но никто из нас без нее обойтись не может».

«Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня моему дому, саду, моему молодому дубу, Родине поклонитесь» — завещал великий писатель».

Я не знаю, почему Васо так тронул этот маленький рассказик, который был наспех написан мной. Он с вдохновением внимательно слушал, а глаза его светились какой-то тонкой радостью. Впоследствии в полном объеме этот небольшой рассказ был опубликован в Кишиневе издательством «PONTOS».

Любил Василий Иванович и сам почитать наизусть. Уже в возрасте 90 лет читал отрывки из «Медного всадника» Пушкина и некоторые письма Андрея Курбского к «Ивану Грозному» на старославянском языке. У него была удивительная память, и она не покидала его до глубокой старости. Поначалу чтение его казалось несколько монотонным, как бы бесстрастным, но постепенно, с каждой строчкой слушатель вовлекался во внутренний мир героев этих сложных эпистолярных наследий, написанных на старославянском языке. Это редкое умение передавать тончайшие краски шло от взволнованной, светлой человеческой души. Такие моменты были для него отдуши-

ной после напряженного труда за письменным столом.

Хочу отдельно сказать о любви Василия Ивановича к народному творчеству. Он знал много осетинских пословиц и поговорок. К моему стыду, я никогда не знала этих пословиц, кроме загадок, которые в детстве нам загадывала наша бабушка по отцу — Софья Петровна Плиева. Он преподносил их с большим юмором, которым заражал слушателей.

Не меньшим был его интерес и к русскому народному творчеству, поэтому я как-то преподнесла ему в качестве подарка трехтомник «Пословицы и поговорки русского народа» Владимира Даля. «О, чудо! Где ты нашла эту прелесть?!» — воскликнул Васо. И часа два он был погружен в эти книги, окунувшись в мир народного творчества, собранный Владимиром Далем. А вот что не любил он, так это леность в человеке, и если сталкивался с таковой, то под внешним спокойствием проявлялся его скрытый темперамент южанина.

Я испытала это на себе, когда однажды, вроде бы с юмором, он отчитал меня по заслугам. А было за что! Вот как это произошло. Еще в начале нашего знакомства Василий Иванович, обнаружив мое поверхностное знание осетинского языка, (такое незнание было обусловлено причинами, о которых я коротко скажу в следующем разделе) завел для меня солидный блокнот. Ка-

кой блокнот?! Это была объемная тетрадь с целым списком осетинских слов. Я не сразу поняла, к чему это может быть, ведь есть русско-осетинский словарь. При этом Василий Иванович строго-настрого предупредил меня, причем, довольно требовательно и с укором, чтоб в следующий мой приезд я знала всю эту группу слов наизусть и больше бы читала на осетинском языке. «Ну и ну!» — думаю. Но обещание старательно выполняла, зная, что спрашивать будет очень строго. Мои труды дали положительные результаты! Я заговорила на родном языке. За это строгое требование я по сей день глубоко благодарна нашему дорогому Васо. Это был хороший, поучительный урок. Но все-таки речь моя была какой-то скованной, я робела, боясь неправильно выговорить слово. Тогда Васо слегка улыбался, шутил, стараясь поддержать меня. Такой экзамен трудно было держать перед маститым ученым!

Вначале повествования я отметила, что моя работа не предусматривает анализа научных трудов Василия Ивановича, мастера великой науки — этимологии. О его многосложной деятельности, с подробным объяснением феномена ученого, оставившего около 300 научных трудов, много сказано и написано, как советскими, российскими, так и западными учеными. Мне, искусствоведу, неподвластно касаться каких-либо подробностей в лингвистике, но на моих глазах за 40 лет

совершался титанический труд по общему и сравнительному языкознанию, иранистике и осетиноведению. Я могу выразить свое мнение о той выдержке, о той повседневной работоспособности, когда, сидя в кабинете с 11 и до 17 часов и работая над несколькими строчками в день, глубоко анализируя происхождение каждого слова, он создавал свой «Историко-этимологический словарь осетинского языка».

Список трудов Василия Ивановича очень обширен. Начиная с 1924 г., из-под его пера выходили научные работы. У меня нет задачи, как я уже отметила, перечислять их, но некоторые, с которыми я подробно знакома, хотелось бы назвать.

Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев // Язык и мышление. 1933. Т. I.
О языке южных осетин // Языки Северного Кавказа и Дагестана. 1935. Т. I.

Нартовский эпос // ИСОНИИ. 1945. Т. 10. Вып. I.

Осетинский язык и фольклор». 1949. Т. I.
Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. 1956.

Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний // Советская археология. 1958. Вып. XXVIII.

Н. Я. Марр (1864-1934). К 25-летию со дня

смерти // Вопросы языкознания, 1960. № 1.
О тюркских элементах в осетинском языке // Тезисы докладов Всесоюзной конференции востоковедов по иранской филологии. 1963.
Осетинская традиционная героическая песня // Осетинские народные песни. 1964.

Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. 1969 (соавторы: Н. А. Баскаков, Т. А. Бартагаев).

Таджикское olufta // Иранская филология. 4. 1970.

О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифской археологии. 1971.

Нартовский эпос осетин. 1982.

Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» // ИЮОНИИ. 1985. Т. XXVII.

Parerga I. «Синее вино» в «Слове о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 1985. № 6.

О работах Василия Ивановича много было написано исследователями, учеными, и все труды были изданы. Чувство долга к благородному и любимому делу, святое служение науке стали надежной основой для появления «Историко-этимологического словаря осетинского языка». Выход такого глобального научного труда явил целую эпоху в развитии отечественной филоло-

гии и языкознания. В словаре Василий Иванович прослеживает генеалогическую ветвь — скифы — сарматы — аланы — осетины, раскрывая этимологию и историю осетинских слов на материале 190 языков мира и связи осетинского языка с иранскими, индоевропейскими, финно-угорскими и другими языками. Как говорил Василий Иванович, «не только народы, но и языки за много веков перемешивались. Теперь другие народы населяют эту землю, но до сих пор называют реки юга Украины и России этимологически скифскими, сарматскими, аланско-осетинскими словами. И трудно представить, что когда-нибудь в отдаленном будущем может что-либо измениться. Скифский мир с его языком и культурой не исчез без следа, он растворился и ушел в нас, в эти обширные пространства, на которых теперь живут другие народы».

Издание словаря растянулось на несколько лет. Первый том вышел, когда Василию Ивановичу было уже 58 лет. Это был первый в своем роде словарь с двойной историко-этимологической задачей, подобного которому по изучению осетинского языка не было до сих пор. Он работал один. Неоднократно были, как говорил Василий Иванович, причины прервать работу над словарем. Поэтому не удивительно, что второй том вышел в свет через 15 лет после первого, а еще через шесть лет — третий том,

и лишь через десять долгих лет после третьего был завершен четвертый том. Такой труд подвластен был только человеку с огромным запасом знаний, неиссякаемой энергии и терпения, если учитывать, что Василий Иванович очень редко выходил из кабинета на свежий воздух.

Большой интерес и разнообразие в его жизнь приносили научные экспедиции, которые были тесно связаны с его научно-исследовательской работой, а также с интересовавшими его археологическими расшифровками находок культуры древнего мира. Этим экспедициям он уделял большое внимание.

Я коснусь немного отношения Василия Ивановича к политике и социальным проблемам общества. Часто, по приезду мы втроем, сестра, я и Васо, невольно затрагивали эти вопросы. Он меня расспрашивал о жизни на Украине, в Молдавии и странах, где мне пришлось побывать. Его волновало все, что касалось судеб людей его времени, технического прогресса, исторических перемен.

В его твердом убеждении в отношении нравственного состояния человека, в его отношении к любым политическим ломкам, властным структурам, чиновникам всех рангов всегда была непоколебимая высокая планка, свои гуманистические воззрения, иногда даже резко осуждающая точка зрения. Но для Василия Ивановича одно

дело было рассуждать о политике, а другое дело заниматься ею и откликаться постоянно на те или иные события. Здесь у него были свои приоритеты, определенности во взглядах.

Мне вспоминается его рассказ об одном эпизоде в его жизни. В 1963 г. он должен был ехать в Париж на встречу с французским ученым Жоржем Дюмезилем, с которым он много лет состоял в переписке и параллельно работал над исследованием великого эпоса «Нарты». Каково же было его удивление и даже возмущение, когда ему, 63-летнему человеку, ученому настоятельно рекомендовали вступить в КПСС. Ответ не замедлил себя ждать и был категоричен: «Я еду в Париж, как ученый, а не как политик».

Единственным законом для Василия Ивановича являлся «творческий вклад в человеческий образ и особенно его нравственность». И то и другое в жизни были нераздельно связаны. Его творческий вклад был также огромен и монолитен, как и его личность — одна единая глыба. Поэтому эта целостность его личности сталкивала его порой с обстоятельствами, при которых приходилось прибегать к жестким решениям, как в науке, так и в жизни.

Здесь я вернусь в 1950 г., когда вопрос касался его перевода из Ленинградского научно-исследовательского института в Москву. В своем интервью он всегда очень скромно и скупно го-

ворил об этом переводе. Но это было далеко не так просто. Вспоминать эти моменты тяжелых переживаний своей жизни Василий Иванович не любил, да и кому это было интересно, беспокоиться о судьбах людей. Поскольку в прессе была в свое время озвучена эта история его перевода, то я позволю себе передать ее в том виде, как нам об этом рассказывал Василий Иванович. Его рассказ совпадает в какой-то степени с материалом, опубликованном в «Независимой газете» от 27 декабря 2000 г. (г. Москва, автор материала Ольга Дубинская при помощи Азы Алмазовой и Магомета Исаева) под названием «Этого не трогать!». Рассказ Василия Ивановича об этом периоде его жизни нам с Ксенией было жутко и чудовищно слушать. Это было страшно. И здесь полностью, до подробностей освещать его рассказ нет необходимости.

В годы моего студенчества во Владикавказском педагогическом институте я проходила курс «Введение в языкознание». Педагог Платова вела этот раздел так нудно и пассивно, без всякого интереса к своему предмету, что я надолго утратила тягу к языкознанию, как к науке, особенно после выхода работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Воспоминаниями об этом времени я подробно делилась с Василием Ивановичем, и в глазах его замечала молчаливое возмущение о порой низком уровне педагогических кадров.

С выходом работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в тот же год, начался очередной виток разоблачений «врагов народа», якобы, пропагандирующих в своих научных работах по языкознанию идеалистическое учение Н. Я. Марра, в отличие от марксистского учения. Василий Иванович тогда заведовал иранским кабинетом Института языка и мышления. Тогда же его фамилия первая по алфавиту была зафиксирована в черном списке Л. П. Берия. Василий Иванович обвинялся в нежелании примкнуть к мнению общей массы лингвистов, признавших работу Сталина как единственно правильное марксистское учение в области языкознания. Можно представить, какие последствия могла повлечь за собой эта статья! Он, вспоминая те дни, рассказывал нам вроде бы спокойно, но чувствовалось, что глубоко в душе осталась горечь от подробного воспроизведения нам пережитого им в то нелегкое, трагическое время.

На заседании Института языкознания Академии наук, куда был вызван Василий Иванович, решалась судьба его не только как ученого, но и как человека. На этом заседании он подробно осветил основные направления своей исследовательской научной работы, после чего на него обрушился неприглядный поток вопросов и жесткая критика. Все ждали, к возмущению Василия Ивановича, его раскаяния и самокритики.

Один из ведущих заседание предложил ему свои услуги в обмен на раскаяние, произнеся: «Я хочу Вас спасти, оставьте свои заблуждения!». Василий Иванович с возмущением ответил: «Спасибо за сочувствие, но, право, от моей совести меня никто не может спасти, кроме меня самого». С гордо поднятой головой, пройдя через весь зал, он покинул заседание. На выходе из помещения он готов был встретиться с представителями КГБ. Нервы были напряжены до предела, но страха никакого он не ощущал. К его большому удивлению, на выходе его никто не задержал.

Как потом стало известно, рукой Сталина красным карандашом была помечена галочкой фамилия Абаев и объявлено: «Этого оставить. Хороший ученый. Перевести в Москву». Оказывается, вождь интересовался трудами Абаева. Таими, как «Осетинский язык и фольклор», «Религия и фольклор» и другими работами. Спустя много лет Василий Иванович с большой гордостью рассказывал, какое он выдержал нравственное испытание, и в глазах его светился огонек большого собственного достоинства.

От всех льстецов и «варьирующих» людей Васо старался уходить подальше. В нашей действительности, к сожалению, говорил Василий Иванович, появляются такие ученые, которые легко «варьируют» в удобной для них создавшейся обстановке. Это, как правило, те, кто меньше всего

создает в жизни, поэтому при всякой перестройке они меняют кожу, как хамелеоны, мешают работать деятельным ученым. Слава богу, что наш Васо не уронил своего нравственного начала. Он часто говорил, что девизом всей его жизни было «не отрывать деятельность ученого от его нравственной личности». Такая личность всегда украшает науку в любой области, в любой стране.

Так же всегда уходил он от политической суеты. У него на этот счет были свои соображения, свое твердое убеждение. Академик В.В. Виноградов, работавший с Василием Ивановичем в Москве, говорил: «К Абаеву не подходите с обычным мериллом, он — особая личность. Может быть, особенность В.И. Абаева в том, что он один из тех редких людей, кто, не заигрывая с судьбой, отдавал себя делу настолько, что сама судьба в итоге стала «работать» на него».

Это внутреннее содержание В.И. Абаева ярко подтверждает его отрицательное отношение в последние десятилетия к горбачевскому и ельцинскому режиму, которое разрешилось разгромной статьей в московской газете «Человек и право» — «Осторожно: хамелеоны!» за 1995 г. Газету возглавляла заслуженный юрист России Аза Цориева, и в редколлегию входил Василий Иванович. Я приведу два отрывка — цитаты из этой статьи:

«Для аппаратчика сама партийность является

и профессией и специальностью. Это человек, который толком ничего не умеет, но в то же время может все, «если прикажет партия». Когда мы читаем в его биографии: «С такого-то года он на партийной работе» — это значит, что с этого года он не пашет, не сеет, не строит, не занимается никакой общественной деятельностью, он получает то одно, то другое местечко в бюрократическом аппарате правящей партии и пребывает в этой роли до последнего издыхания».

«Эти новоявленные отцы-демократы, представители обанкротившейся системы, которые пытаются спрыгнуть с потерявшего управление поезда, называемого «партократия», и вскочить на ходу в поезд, идущий в диаметрально противоположном направлении — поезд «демократии». Вскочить на ходу в поезд может тот, у кого нет с собой никакого багажа. Под багажом имею в виду принципиальность, убеждения, идейность. Ничего этого, слава богу, у них не имеется. А потому вскочить в любой проходящий транспорт ничего не стоит. Откуда же у наших аппаратчиков берется такая смелость? Ясно, откуда, все из той же циничной уверенности, что Россия такая страна, где все возможно».

Эта статья должна была иметь продолжение, но оно не состоялось.

«Прожив весь XX век, как Вы не видите каких-то светлых перспектив для России в грядущем».

щем XXI?» — задал ему вопрос в интервью Леонид Владовец. Василий Иванович ответил:

«Пока, откровенно говоря, не вижу. Особенно тревожно выглядит подрастающее поколение. То есть те, кто обретут зрелость уже в будущем столетии. Я бы сказал, что его бросили на произвол судьбы. Подобно тому, как бросают в воду щенков: авось всплывет — молодец, потонет — сам виноват.

Поймите правильно, мне не хотелось бы, чтобы кто-то вновь, в приказном порядке определял, кем быть юноше: филологом, инженером, мне не хотелось бы, чтобы некий дядя запрещал молодым людям слушать ту или иную музыку, читать ту или иную книгу, писать стихи так, как он считает нужным.

Но мне обидно, если молодые люди, среди которых, я уверен, немало талантливых, будут поглощены лишь поисками легкого и быстрого обогащения, развлечений и удовольствий. Мне будет искренне жаль, если у них утвердятся примитивные, не цивилизованные нормы поведения, если для них будут чужды моральные и правовые нормы. Будет просто ужасно, если среди них утвердится закон джунглей и привычка решать все проблемы грубой силой. К сожалению, сейчас много тревожных признаков того, что молодежь движется именно в этом направлении. Дать какие-то конкретные рецепты очень трудно, а са-

мый общий совет, что молодое поколение надо правильно воспитывать, приучать к культуре, к труду, к нравственному самоусовершенствованию, будет слишком банально. Это самый общий рецепт, известный с античных времен, но человечество все еще недостижимо далеко от собственных идеалов, опять-таки, давным-давно известных.

Остается надеяться лишь на то, что в грядущем столетии судьба будет более благосклонна к России.

Не может быть и речи ни о каком политическом, хозяйственном, социально-нравственном обновлении, пока мы не вырвемся из порочного мира разнообразно перекрещивающейся мафиозной партократии. Эта партократия может только менять кожу, как хамелеон свою окраску, но изменить свою аморальную сущность она не может. И смешно думать, что такие люди могут возглавить моральную революцию в нашей стране. А именно в такой революции мы больше всего нуждаемся».

Сознание личной независимости — первое, что было необходимо Василию Ивановичу. Даже в своем творчестве он избегал добровольно связывать себя какими бы то ни было обязательствами. И не удивительно, что иногда ему приходилось отвечать на такие вопросы, как интервью с Леонидом Владовцом. Такова была его высокая

морально-нравственная, общечеловеческая позиция и его твердое убеждение.

Характерен еще один эпизод из его жизни, свидетельствующий о его преданности не только своим убеждениям, но и преданности человеку. Долгие годы в кабинете над его письменным столом висела фотография молодого человека, друга юности. Однажды я спросила Васо, кто это на фотографии? Он ответил мне и пояснил, что этот молодой человек обещал быть крупным ученым, но попав в водоворот сталинских репрессий 37 года, погиб в застенках КГБ. Василий Иванович переписывался с ним нелегально, через третьих лиц. Он показал мне ответы на эти письма из заключения, их было несколько. На мой вопрос, а не рисковал ли он из-за этой переписки, храня ее у себя в дома, ответил четко и коротко: «Я не мог предавать друга и человека с большой буквы». В этом тоже выявился его стоический характер.

Васо был отличным рассказчиком, и рассказы его были насыщены забавными приключениями и сдобрены своеобразным юмором, и комически-хлесткое слово, как неоднократно подмечали и в прессе, спустя несколько секунд разрывалось в сознании на множество осколков-смешинков. Тогда мы с сестрой без удержу смеялись! Вид его в этот момент был довольный, как у ребенка, и с какой-то горделивостью. Сидит и поглядывает своим вдумчивым взглядом на нашу реакцию.

Голос его, некогда сильный, с тенористо-звонкой окраской, звучал с годами как-то приглушенно, речь стала замедленной. Но в душе не угасала мощная энергия.

У читателя может создаться впечатление о Василии Ивановиче, как об идеальном человеке. Но так в жизни, к сожалению, не бывает. Весь мир быта Василия Ивановича и режим, который установился в доме с давних лет, были для него почти ритуалом. Он был очень воспитанным, деликатным человеком, наделенным особым, удивительным характером, с которым надо было считаться, уживаться, иногда уступать в незначительных капризах. Поэтому я поясню о некоторых вполне безобидных проявлениях характера, порой причудливых до смеха, когда он сам превращал тот или иной поступок в смешинку. А когда ухудшалось настроение, что было довольно редко (это порой зависело от болезненного сустава ноги), он удалялся в кабинет и садился за корреспонденцию. Ему была присуща и духовно-маниакальная чистоплотность — не терпел пошлых разговоров, обывательства и грубых вмешательств в устоявшуюся жизнь. Не любил перемен в интерьере квартиры, особенно в своем кабинете.

Помню случай, когда Василию Ивановичу необходимо было поменять устаревший диван, на котором он отдыхал. Привезен был новый, вместе с креслом. Василий Иванович, как обычно было

в таких случаях, помолчал, а наутро с возмущенным взглядом на этот диван, своим деликатным, спокойным голосом произнес: «Немедленно верните мой допотопный диван, я не просил его менять. Отдам полцарства за его возвращение!». А сам улыбался. Пришлось вернуть этот доисторический предмет домашнего обихода.

В доме никогда не было напряженной обстановки. Он не разменивался никогда на мелочи жизни. Постепенно Ксения привыкала к его привычкам, его характеру, его спартанскому образу жизни, и нарушать его не было необходимости. Она всегда создавала ему полное спокойствие и умиротворенность для работы. Ничего лишнего, отвлекающего не должно было быть в доме.

Обстановка спартанского образа жизни, где ничего лишнего, кроме большой библиотеки, не было, не сковывала никого. Иногда он звал своего внука Диму в кабинет и засиживался с ним допоздна, с большим увлечением собирая пазлы. Помню, как мастерски Васо вместе с Димой составил из очень мелких квадратиков портрет французской актрисы Самари кисти Ренуара. Потом по-детски хвалился и был доволен самим собой. Так порой радуются дети.

Много лет у них была приходящая домработница, но впоследствии, после выхода на пенсию, Ксения Григорьевна управлялась по дому сама. И еще один момент. В один из моих приездов я при-

везла Васо эстетический сосуд французского коньяка (он очень любил добавить чайную ложку коньяка в чашку чая). Что было потом! Сначала я решила, что ему не понравилась эта «бомба» по форме, но, когда он развернул и увидел на бутылке портрет Моцарта, воскликнул: «Какая пошлость! Это безобразие! Бедный Моцарт, если бы он когда-либо подумал в своей жизни, что будет участником коньячного производства!». Коньяк постепенно выпили, перелив его в другой сосуд. Такой был нравственно воспитанный Василий Иванович, не любивший никакой пошлости.

Что касается питания, то, наверное, мало кто знает, что Васо был склонен к вегетарианству много лет. Не любил есть мясо. Питался преимущественно только кисломолочными продуктами, очень любил квашеную капусту с картофельным пюре, любые сыры, осетинские пироги, которые Ксения часто ему выпекала. А еще был сладко-ежка — любил торт, пирожное, печенье, конфеты и вообще любую выпечку. Любил поесть вечером фрукты, особенно присланные из Осетии, а также фрукты, которые я привозила им из Молдавии. О питании он всегда говорил: «Человек вырастает с молоком матери. Почему в дальнейшем он должен превратиться в «хищника» и есть животных!?!». Это не причуды пожилого человека, это его мировоззрение и отношение ко всему живому.

В памяти сохранились еще и другие, не менее интересные моменты внутрисемейных общений. Как-то позвонила сестра из Москвы и сообщила, что необходимо встретить Васо, он едет с гостем. Мама наша пошла на квартиру Ксении, что была на улице Коцоева, и где по приезду во Владикавказ они всегда останавливались. В день приезда на вокзале мы встречали двух, в дорожных костюмах. людей. Один — Василий Иванович, другой — человек лет 45, зарубежный ученый, который хорошо общался со всеми на русском языке. Затем Василий Иванович перешел в разговоре с ним на английский язык. Каково же было наше общее удивление, когда гость заговорил на осетинском языке! Я поинтересовалась у Васо, кто он. Оказалось, это был профессор Угро-финской академии. Было заметно, как воодушевлен Васо, знакомя своего гостя с родным краем и угощая его осетинскими пирогами, которые искусно пекла моя мама. Я пишу об этом случае, так как видела, какая гордость перед иностранным гостем за свой край светилась в глазах Василия Ивановича.

Любил Васо и поспорить на какую-нибудь тему. Но о чем бы он ни беседовал, какой бы вопрос не затрагивал, не допускал, чтобы обширное понятное объяснение тонуло в пустом суесловии. Василий Иванович был работоспособным вплоть до 96 лет, пока беда, которая постигла мою сестру, причем неожиданно, не потрясла нас всех. А что

было потом, и как проходила дальнейшая жизнь Васо, об этом я подробно опишу в конце своего повествования.

На мой вопрос, как ему удается достигать таких результатов, в такой трудной, емкой науке как лингвистика, он скромно отвечал: «Никакого секрета в этом нет у меня. Я люблю свое дело и просто трудился всю жизнь, считая, что все, что делаю — делаю для своего народа». Как скромно и лаконично сказано! Не правда ли!?

Спектр его интересов был обширен. Он всегда интересовался исследовательской деятельностью Ксении Григорьевны и ее расшифровками музыкального фольклора, а так же моей педагогической работой в области истории изобразительного искусства. Познания его в области музыки, архитектуры, живописи, скульптуры, прикладного искусства были обширны. Нас с Ксенией, зная о нашем тяжелом детстве и юности, о сложных и интересных студенческих годах в Москве, называл трудоголиками, так как страшно не любил леность.

Я повторюсь еще раз, если скажу, что он говорил медленно, всегда законченными и красиво построенными фразами. В общении с окружающими его людьми всегда присутствовала большая искренность, его страстное увлечение к той или иной науке. Строгая дисциплина ума исключала поспешность временных суждений. Он словно

отливал свою мысль в четкую форму с прицельной настроженностью, слушая внимательно собеседника. Это был восхитительный дар, который дан не каждому.

Распорядок дня у Василия Ивановича был строгий и постоянный. Утром он вставал довольно поздно, делал зарядку, принимал душ, а потом, приведя себя в надлежащий порядок, собранный, выходил на кухню завтракать. Посидит с нами, поговорит о чем-нибудь интересном, пожелает нам приятного, хорошего дня и идет в кабинет работать до 17 часов. Затем обед, в 21 час ужин, состоящий из фруктов и овощей. Затем все вместе смотрели телевизор или Васо просил Ксению музицировать.

Перед ужином они с Ксенией любили совершать небольшие прогулки. Здесь, отдыхая на лавочке, под еще теплыми лучами солнца, он, как бы уходил в себя, подставлял лицо солнышку и о чем-то подолгу думал. Было видно, что отдых доставлял ему огромное удовольствие. А вообще, что касается отдыха, то для Василия Ивановича он заключался в научных экспедициях на Кавказ. Любили они периодически отдыхать в Боржоми. Иногда приезжали мы вместе в Цхинвал. Но об этом чуть ниже.

Кроме того, я хочу поведать дорогим читателям о страстном увлечении Васо туристическими походами. Очень запомнилась наша поездка в

Зарамаг всей семьей. Я была удивлена, как, опираясь на свой неизменный посох, чуть прихрамывая, в возрасте 80 лет Василий Иванович преодолел расстояние до Нара, до мемориала Коста Хетагурова, и обратно. Погода была жаркая. Васо иногда садился отдохнуть у горной реки и, опустив ноги в холодную воду, освежал лицо и руки. Он не выдавал никогда усталости, наоборот, в такие моменты был бодр, как никогда. Любовался горными реками, особенно ранним утром, когда горы «плачут» от опустившегося на них тумана. Он вдыхал этот чудный влажно-свежий воздух и вел себя, как резвый юноша. По дороге вспоминал и рассказывал нам о своем селении Коби, о быте, в котором он рос, о гимназических годах.

В течение трех-четырёх лет в 1980-е годы мы летом всей семьей ездили в Цхинвал, где у Василия Ивановича и Ксении был небольшой дом с приусадебным участком. Он любил этот уголок, где спокойно мог работать в кабинете — мансарде, а мы с сестрой и дочерью занимались хозяйством. Любил сад, где густо росла ежевика, которую он с удовольствием ел.

Как-то из Цхинвала во Владикавказ нас отвозил уже упомянутый мной племянник Васо — Геге, сын его старшего брата Семёна. Проезжая мимо Коби, Геге рассказал нам, как много лет назад, будучи еще совсем юным, он посетил эти ме-

ста и обнаружил в ветхом сундуке старого дома школьные тетради Василия Ивановича. Как Васо досадовал, что Геге так халатно отнесся и не сохранил их. Это была уникальная находка, но, увы, потом они пропали.

Последний раз Василий Иванович и Ксения на Кавказе были вместе в 1984 г., отдыхали в Боржоме. К сожалению, после первых межнациональных распрей с Грузией Василий Иванович отказался навсегда от этих поездок и возмущенно восклицал (привожу дословно его слова): «Нет оправдания такой агрессии к своему народу! Политикам не можется спокойно жить и в погоне за властью, им надо убивать, уничтожать все уже созданное. Опозорились все, я туда больше не езду!». Никогда больше он туда не ездил.

Позднее мы с Ксенией ездили в Цхинвал с целью вывезти кое-какое имущество. Риск был большой. Василий Иванович, находясь в Москве, был категорически против этой поездки, но мы отважились. При въезде в город бросилась в глаза какая-то опустошенность, сожженные дома с зияющими чернотой окнами. Ночью были слышны выстрелы и плач людей. С нами была соседка. Она старалась успокоить нас, говоря, что такое происходит каждую ночь. Страшно было осознавать, что люди уже к этому привыкли. По приезду, своими впечатлениями мы поделились с Васо. Его возмущению не было предела. Он воспринял

наш рассказ тяжело: «Варварство, которому нет названия, кроме как разбой и ненависть, присущие властным чиновникам к своему народу». Никогда в его высоком патриотизме и любви к родной земле не было никакого лицемерия и ханжества, полностью, всей душой был предан он своему краю, своему народу.

В 1990-е годы Ксения приезжала во владикавказскую квартиру без Василия Ивановича. Он из Москвы тогда уже не выезжал. И это понятно. Возраст не позволял совершать ему далекие поездки.

Человек, проживший почти целый век, не мог, наверняка, спокойно переносить всякие общественные ломки. Конечно, он переживал и болезненно реагировал на них. Я часто слышала от Василия Ивановича о его порой трудном положении ученого, но, «слава богу», как он сам говорил, что «другая лингвистическая перестройка сорок лет назад не пошатнула моих нравственных начал». Вся полнокровная, успешная творческая деятельность постоянно поддерживалась огромной любовью и вниманием семейного счастья, любовью и признанием родного края и своего народа, крупными зарубежными и российскими учеными-лингвистами. Как ученый, Василий Иванович обрел массу поклонников своего уникального таланта.

В 1990 г. в Колонном зале Москвы отмечали

юбилей К. Хетагурова. Зал был полон народу, в том числе и нашими соотечественниками: писателями, научными деятелями, композиторами. Василий Иванович тепло воспринял это торжество, посвященное выдающемуся деятелю. С большим удовольствием он приветствовал Ансамбль танца сельскохозяйственного института Владикавказа, принявшего участие в юбилейном вечере. Василий Иванович остался под большим впечатлением от этого мероприятия.

И в этом же году Московским обществом осетинской культуры «Фарн» организован был юбилейный вечер в честь 90-летия Василия Ивановича. Вечер состоялся в киноведческом центре национальных кинематографий СССР.

Вечер, посвященный 95-летию, состоялся в Центральном доме ученых Российской академии наук. Юбилей прошел торжественно, чувствовал Василий Иванович себя хорошо. Все было празднично. Выступление Василия Ивановича было лаконичным. Приятен было Василию Ивановичу приезд Валерия Гергиева, приехавшего часа на четыре, чтобы поздравить юбиляра. Здесь же представителем Ельцина была вручена государственная награда — Орден за заслуги перед Отечеством. Особенно оживился Василий Иванович, когда наши ребята, Бибо Ватаев, Камал Ходов, Ахсар Ходзаев, посвятили Васо осетинскую задравную песню. Это исполнение было незабываемым.

Вообще Василий Иванович не любил торжества и всегда просил Ксению, чтобы она посодействовала их отмене. Во время подготовки к многочасным мероприятиям он очень волновался, а после чувствовал себя физически разбитым. Я была свидетелем этого волнения, этого нежелания светиться перед публикой. И всегда у него это нежелание выливалось в слова: «Человеку нет необходимости устраивать торжества, если он делает по жизни то, чем он наделен. Тогда давайте устраивать торжества за то, что птица летает, а рыба плавает. Будем их тоже воспевать». Уход от суеты — это его образ жизни, и никому по возможности не разрешалось его нарушать.

После юбилея Василий Иванович еще засиживался в кабинете, был работоспособен, пока в 1996 г. на семью не обрушилось непоправимое — скоропостижно из жизни ушла Ксения — его надежда, друг и супруга. Ей было 67 лет. Когда Васо сообщил мне, что Ксении стало плохо, я вылетела в Москву, и мы госпитализировали ее. И через несколько дней я уже знала о безысходности ситуации, о чем очень осторожно предупредила Васо. Он приехал в больницу, где был поставлен перед фактом консилиумом. Перелет и присутствие Василия Ивановича на похоронах были невозможны по состоянию здоровья.

Я не могла оставаться после похорон в городе. Должна была вылететь к Васо в Москву, где его

одинокчество разделяла Аза Алмазова. Спасибо ей за большое участие, она оставалась с нами и по ночам. Стараясь осознать случившееся, Василий Иванович постоянно повторял: «Почему я ее не вижу? Почему ее мне не показали и увезли?». Я старалась успокаивать его, хотя сама еле сдерживалась в этом, теперь уже одиноким доме. Понимала, что это депрессия, которую ему надо как-то пережить. По вечерам мы выходили с ним подышать свежим воздухом на бульвары (так он просил), где они с Ксенией так любили отдыхать.

Васо остался в жизни один. Трудно передать то, что мы с ним испытали в уже опустевшей квартире. В течение года я постоянно приезжала к нему, его трудно было вывести из депрессии, говорил он сумбурно. Сама я еле держалась, т.к. здоровье было подорвано горем. Периодически мне приходилось уезжать домой, где меня ждала семья и работа. А потом опять дороги... Пока не нанята была приходящая домработница.

В один из дней, до глубокой ночи, мы сидели с ним в комнате Ксении, а потом, уйдя к себе в кабинет, Василий Иванович долго горько рыдал. Я пыталась его как-то успокоить, хотя сама была в стрессовом состоянии. Первый раз в жизни я слышала, чтобы такой духовно закаленный жизнью мужчина рыдал как ребенок и постоянно твердил: «Это я должен был умереть».

Трудно мне и сейчас выливать в эти скупые

строчки трагедию 96-летнего человека. Ему нужен был покой и моральная поддержка. Он все время спрашивал, когда я приеду. В 2001 г., после всех тревог, поездок между городами, я серьезно заболела, связывалась с ним только по телефону, но он плохо стал слышать. За это время я дважды попадала в больницу с тяжелым диагнозом. Ни я, ни дочь не были поставлены в известность о кончине Василия Ивановича, хотя телефоны мои были под стеклом письменного стола Ксении.

Приближался 100-летний юбилей, который он никак не хотел отмечать. Все эти нагрузки прибавили еще большее волнение. После постигшего его горя ему было не до всего этого. Юбилей состоялся. Результат был налицо. Через 3 месяца — в 2001 г. Василий Иванович скончался. Уход из жизни Василия Ивановича стал для нас второй большой, невосполнимой потерей.

В том, что происходило продолжительное время в доме моей сестры и Василия Ивановича после ухода его из жизни, до сих пор для меня не ясно, и видимо, никогда не будет. Но прошло довольно продолжительное время, чтобы заниматься подробными выяснениями. Я звонила С. А. Бидихову по вопросу имущества моей сестры и просила до моего приезда ничего не трогать. Особенно меня беспокоили недоработанные труды 70 песен, над которыми Ксения работала с моей дочерью, подлежащих нотированию и готовившихся к изданию

под названием «Песни Иристана». Он меня понял и обещал позвонить в Кишинев, как и положено, через 6 месяцев. Звонка я не дождалась. Теперь эти работы навсегда, думаю, утеряны. Так же, как и скромное имущество моей сестры. Вместе с ними пропали все документы, фотографии наших родителей, которые хранились у Ксении в книжном шкафу, все, что оставалось памятным и дорогим от нашего с ней отчего дома.

Несмотря на нелегкий жизненный путь, природа дала Василию Ивановичу все, что редко дается одному человеку — светлый ум, талант, красоту, добрую, преданную спутницу и долгую жизнь. Всеобщее признание ученых, Гарольда Бейли — Англия, Лайоша Лигетти — Венгрия, Г. Вернадского — США, Г. Маргенстиерне — Норвегия, Жоржа Дюмезиля — Франция, Олега Трубачева — Россия, И. Гершевича — Англия, И. Оранского — Россия, и многих других. Это признание подтверждает огромное уважение к лауреату Государственной Премии В. И. Абаеву, уникальному человеку, его многогранному творчеству и феномену.

Я благодарна судьбе за то, что знала и общалась с таким выдающимся человеком, наделенным талантом, интеллектом, потрясающей эрудицией, оригинальностью мышления! Василий Иванович — настоящий Подвижник с большой буквы, посвятивший свою жизнь Науке. За целый

век, этот трудный, удивительный век, он снискал огромную любовь за преданность к своему народу! Приятно было узнать, что имя Василия Ивановича было увековечено мемориальной доской на стене дома, где он прожил много лет.

Я писала эти строки для тех, кто его мало знал, чтобы образ Василия Ивановича, достойного любви и уважения, всегда был примером в человеческом обществе, и светлым своим сиянием украшал мир, и в том числе нашу с вами жизнь и, надеюсь, жизнь будущих поколений.

О музыке,
CON AMORE SEMPRE
(итал. «с любовью»)

КСЕНИЯ

Переходя ко второму разделу своего повествования, я позволю себе познакомить читателя с верным спутником жизни на протяжении 36 лет, супругой, другом Василия Ивановича и моей старшей сестрой Ксенией Григорьевной Цхурбаевой. Музыковед, заслуженный деятель искусств России, кандидат музыковедческих наук, доцент Московского института культуры. Она посвятила всю свою трудовую деятельность как педагогической, формируя кадры музыковедов-теоретиков, так и исследовательской работе в области осетинского музыкального фольклора.

Иногда, слушая рассказ о тяжелых годах нашего детства и юности, Василий Иванович говорил: «О вашей жизни и тяжелом детстве, о вашем становлении можно написать целый роман», — и, ожидая нашу реакцию на его реплику, он тихо и сочувственно улыбался.

С тех пор прошло много времени, и только теперь, когда их уже нет среди нас, я решила коротко познакомить читателя с Ксенией Григорьевной — самым дорогим для Васо человеком и с моей единственной сестрой.

Кто же такая Ксения? Это была стройная, ин-

тересная по своему содержанию девушка, очень любознательная, хорошо образованная личность. Ксения Григорьевна родилась в г. Владикавказ (Орджоникидзе) 2 ноября 1928 г. в семье служащих. Здесь, на улице Никитина прошло наше детство. Родители к музыке не имели отношения, но любили музыку и поддерживали в детстве все наши интересы и начинания к любому виду деятельности.

Василий Иванович очень интересовался личностью наших родителей, и особенно отцом, поэтому я немного поясню, что отец наш, Григорий Давидович Цхурбаев, был довольно интересным человеком. В молодости, в 1922 г. он окончил краснодарскую кавалерийскую школу, после чего был командирован в Москву на службу в Кремль, где был рекомендован в военную школу имени ВЦИК Советов. В школу он не прошел по заключению медицинской комиссии, а остался в караульном батальоне Кремля (КАРБАТ), и до 1924 г. служил там. В этом же году он демобилизовался, и, уйдя в запас, вернулся на родину, в Осетию, где работал служащим в организациях республики. Перед уходом на фронт, он работал по хозяйственной части Совета министров. На фронте был комиссаром военно-санитарного поезда 137. Погиб в 1942 г. в возрасте 37 лет. Похоронен наш папа в братской могиле на сельском кладбище станции Ершов.

Мама наша, Вера Максимовна Цхурбаева (Хамилонова), оставшись с 3 детьми, трудилась в поте лица, стараясь нам не дать почувствовать безотцовщину. Она была грамотной, начитанной женщиной. В доме была солидная библиотека, которую мама постоянно пополняла. Мы с Ксеньей учились старательно, много читали, делились друг с другом прочитанным. Учились старательно в школе № 27. Сейчас, оглядываясь в прошлое, в тяжелые детские годы, когда уже давно нет нашей мамы, невольно хочется выразить этой героической женщине, награжденной правительственными наградами во время Отечественной войны, любовь и огромную благодарность отрывком из небольшого моего сборника, изданного издательством «PONTOS» г. Кишинев в 2005 г:

*Теперь каждый год на погосте,
Где можно всегда помолчать,
Приду я к тебе, дорогая,
Спасибо за все сказать.
И здесь в тишине тихо мыслю...
Ты Ангел, Мадонна, и я
Скажу тебе снова и снова:
Ты светлая гордость моя!»*

Очень тяжелое у нас было детство, как и у всех семей, потерявших своих кормильцев во время войны. И мы были самыми обыкновенными детьми обыкновенной скромной семьи. Нас

поддерживала огромная забота и теплота нашей мамы, которая старалась быть не только любящей матерью, но и хорошей подругой в юности. Поэтому, я думаю, что заслуга нашей мамы в том, что у нас с Ксенией с детства сложилось тесное общение, и на протяжении всей жизни отношения сохранились самые теплые. Нас объединяло много общих интересов, почти одинаковые взгляды на многие вещи, да и профессии были избраны нами почти в одном направлении. А вот характеры были разные. Но это никак не влияло на нашу дружбу. В отличие от меня Ксения была более изобретательной, даже в детстве. Василий Иванович всегда с любопытством слушал истории о наших курьезных поступках, которые, как и у всех детей, проявляются в детстве. Вот один из них.

Не лишая нас детских радостей, мама каждый год нам ставила высокую новогоднюю елку, благо позволял высокий потолок. В один из дней Ксения проявила свою «изобретательность» и решила устроить костер для наших игрушек. Я, как более строптивая, тут же за дело! Зажгла бенгальский огонь, но, испугавшись, Ксения выбила у меня его из рук и воспламенились ватные игрушки на елке. Если бы папа в это время не зашел, не миновать было бы последствий. Досталось мне по-крупному! Василий Иванович, хотя и смеялся над нашим глупым «изобретательством»,

но произнес довольно укоризненно в адрес Ксении: «Как ты, Ксения, могла подставить младшую сестренку?». Вот так, с самого детства Ксения проявляла какую-то «мудрость» и одновременно свою руководящую роль над младшими. Такой она оставалась всю жизнь, выискивая что-то новое, экспериментируя и исследуя.

В силу своих возможностей мама способствовала развитию наших интересов и склонностей. Ксения начинала заниматься музыкой. У нас стоял рояль, купленный еще папой до ухода на фронт. Впоследствии он был заменен на пианино. Одновременно увлекалась хореографией, посещала хореографическую студию во Дворце пионеров, а я в это же время посещала драматическую студию. Впоследствии студия оказалась довольно серьезной школой под руководством хореографа Татьяны Гавриловны Борукаевой (жена режиссера Борукаева). Известно стало потом, что эта творческая семья долго работала в Новосибирске и старший их сын — Чермен Борукаев стал ученым, жил и работал в Новосибирском Академическом городке. В 1990 г. по пути в заграничную командировку Чермен посетил юбилей Васо. Там мы и встретились в последний раз.

По окончании этой студии в помещении русского театра был дан отчетный концерт, в программу которого вошел второй акт балета «Лебе-

диного озера» Чайковского и «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» Мусоргского. Могу сказать, что Ксения проявляла хорошие способности к искусству танца. Затем Ксения была приглашена солисткой в Государственный ансамбль песни и танца и проработала там, по моим данным, два года. Позже Ксения неохотно вспоминала этот период, считая, что для музыки эти годы были потеряны.

В детстве мама нас возила погостить в село Ногир к бабушке, Софии Петровне Плиевой, матери нашего отца. Из уст бабушки мы слушали загадки, пословицы, поговорки и старинные, как нам казалось, горестные напевы. Иногда она сильно смешила нас, рассказывая с юмором о быте осетин, а также рассказами о своей молодости. Иногда она брала в руки гармонь, старую, как и она сама, и играла нам, хотя и примитивно, осетинские мелодии. Играла она несовершенно, но нам тогда казалось, что это очень здорово! Для Ксении это явилось, видимо, отправной точкой в ее интересе к изучению осетинской музыки. Впоследствии Ксения воспользовалась этими старинными осетинскими напевами и танцевальными мелодиями, некоторые из них явились темой ее научных работ.

В детстве мы довольно плохо говорили на родном языке, так как росли в окружении осетин, русских, грузин, евреев, и никто, в том числе и

мама, с нами на родном языке не разговаривали. А вот бабушка говорила с нами по-осетински, но мы упрямо отвечали ей по-русски. Но друг друга мы понимали. Несовершенное знание языка позже сказалось на трудностях в творчестве, пришлось прикладывать нам с Ксенией усилия и учить родной язык.

Проходили годы, мы выросли, помогали маме в работе по дому, на огороде, благодаря которому мы могли как-то существовать в то нелегкое время. Ксения занималась музыкой, и стремление к овладению этим искусством стало все четче вырисовываться. Мне запомнилась Ксения в ту пору худенькой, очень ответственной ко всему, что касалось нашей семьи. В это время очень серьезно заболела мама, и полгода, вместе с врачами, мы, дети, спасали ее как могли. И здесь Ксения брала на свои хрупкие плечи руководящую роль над нами, была очень собрана и не прерывала своих занятий музыкой. Теперь, вспоминая эти дни из нашего детства, образ моей сестры проглядывается как положительного, отзывчивого, теплого человека. Такой она мне и сейчас видится — иногда очень серьезной, иногда с искрометным юмором, и я никогда не замечала, чтобы она когда-либо падала духом.

Шел очень серьезный разговор с мамой. Решение было принято без сомнения для Ксении. Она поступила на только что открытое теоретическое

отделение в местное музыкальное училище, а я продолжила обучение в школе. Мама понимала всю сложность для себя в наших стремлениях, считая, что пути, избранные нами, довольно шероховаты. Тем не менее, как могла, поддерживала наши начинания.

Одновременно с занятиями в школе, я была определена в осетинский театр во вспомогательную студию. Тогда еще Председателем Комитета по делам искусств был Хаджумар Газзеевич Цопанов. Мне было 16 лет. Никогда у меня не было стремления стать актрисой, меня больше интересовала творческая работа театра, создание постановок и сама драматургия. Что касается языка, то я легче говорила на юго-осетинском, и актер Маирбек Цаликов всегда подшучивал надо мной. Маму тогда очень смущала моя привязанность к театру.

В 1950 г. Ксения успешно окончила музыкальное училище. В этом же году она успешно поступила на теоретическое отделение теоретико-композиторского факультета московского музыкально педагогического института. Институт тогда еще возглавлялся его основателем — Еленой Фобиановной Гнесиной. Жила Ксения в общежитии на Трифоновке, где в многочисленных корпусах проживали студенты многих творческих вузов столицы.

Я оставалась дома и после окончания школы заявила маме о своем решении поступить в

ГИТИС (ныне театральная академия). Что должна была ощутить женщина, чтобы содержать двух студенток в Москве, учитывая, что во всем этом огромном городе у нас никого не было. Но я настаивала, не могла без Ксении, скучала. Мне уже не с кем было так тесно общаться, да и моя уже определенная привязанность к искусствоведению была очень сильна. Но строго-настрого мне было сказано мамой поступать в педагогический, либо в медицинский. Выбор пал на пединститут, на отделение филологии. Сколько было пролито слез, пока я, после второго курса, не добилась от мамы разрешения поступать на театроведческое отделение ГИТИСА. И это случилось в 1952 г.

Я с успехом поступила, мы снова были вместе, жили на стипендии, иногда принимая скромную мамину помощь. Так начались наши трудные, но счастливые студенческие годы. На 4 курсе Ксения была удостоена персональной стипендии от республики Северная Осетия им. Коста Хетагурова за успешную учебу. С тех самых лет Ксения начала постоянно заниматься исследованием осетинского фольклора, собирая записи наигрышей в исполнении Булата Газданова и других музыкантов. Общалась с композиторами Северной Осетии и издавала первые свои статьи о творчестве некоторых из них. Позже Василий Иванович очень любил слушать эти наигрыши и сам очень приятным голосом подпевал ей.

Был такой эпизод, о котором я не могу умолчать. По приезду во Владикавказ, где-то в 1968 г., летом, Василий Иванович и Ксения были у меня целый день. Какая-то женщина, лет пятидесяти, соседка по дому, которую я не знала, увидев Васо, с радостью бросилась его обнимать. Конечно, мы все растерялись, но Васо спокойно выслушал ее, пригласил в дом, завел с ней беседу. Оказалось, что Васо хорошо знал ее родителей по аулу Коби. К сожалению, я не помню ни имени, ни фамилии этой женщины. Узнав, что Ксения занимается исследованием осетинской народной музыки, она деликатно предложила Васо и Ксении послушать осетинские наигрыши. Принеся из дому гармонию, она целый час вдохновенно играла им. Это было одно очарование — слушать старинные мелодии, которые Ксения несколько раз просила повторить и кое-что из них записала себе. Ксения и Васо были бесконечно благодарны этой добрейшей женщине за прекрасные минуты вдохновения. Время уходит. За давностью лет стираются имена, но память об этой женщине Васо долго хранил и частенько вспоминал ее. Впоследствии Ксения воспользовалась этими старинными напевами и танцевальными мелодиями, которые ярко выражены в ее научных работах.

Огромная увлеченность, «приговоренность» к своему призванию в сочетании с прекрасными

музыкальными данными позволяли ей вести интересную деятельность в научном музыковедческом творчестве. Ее руководителями в институте были опытные педагоги — профессор Пекелис и доцент Степанова, у которых Ксения и завершила свое высшее музыкальное образование. После окончания института в 1955 г. Ксения вернулась на родину, приступила к педагогической деятельности в музыкальном и музыкально-педагогическом училищах. Одновременно принимала активное участие в музыкальной жизни республики, издавая в прессе свои первые музыковедческие работы.

Ксения проявляла большой интерес ко всему, что ее окружало, и профессионально воспринимала произведения как известных мастеров, так и молодых авторов. На все она откликалась вовремя, как музыкальный критик. Не раз слышала я от ее учеников о ее внимательном отношении к студентам. Она целиком отдавала творческому росту своих учеников багаж знаний, которым владела.

Характеризуя творчество молодого композитора Жанны Плиевой, Ксения Григорьевна говорила, что путь в творчестве, избранный Жанной, не прошел ни один из среды осетинских композиторов. Отмечала ее яркую творческую индивидуальность.

Ксения Григорьевна не раз была членом Международных музыкальных конгрессов, всегда

принимала активное участие в подготовке композиторских пленумов, фестивалей, постоянно печаталась в прессе, освещая музыкальное творчество Осетии. За время ее педагогической работы было выпущено немало учеников из разных регионов страны, среди которых были и наши осетины, — Римма Джагиаева, Зара Карсанова. Лидия Золоева (впоследствии звукорежиссер телестудии, в которой я проработала несколько лет на Осетинской горке).

С тех самых лет Ксения начала постоянно заниматься исследованием осетинского фольклора и явилась первопроходцем в научном, творческом анализе истоков осетинской музыки. Это побудило ее продолжить свое образование, и она после трех лет педагогической работы поступила в аспирантуру своего родного института им. Гнесиных. И снова общежитие на Собачьей площадке, что на Малой Молчановке. Название этой площадки пошло от скульптуры собаки Екатерины II. Это были уютные домики старой Москвы с колонами, украшающими фасады зданий. Меня, как искусствоведа, всегда радовали постройки XVIII-XIX вв. Теперь уже нет ни Малой Молчановки, ни Собачьей площадки. Все это варварски было снесено, и вместо прекрасных исторических памятных сооружений построен был Калининский проспект, как нечто чужеродное для Москвы.

Учась в аспирантуре, Ксения продолжает заниматься анализом осетинского музыкального фольклора, и в 1957 г. выходит ее первая работа «Музыкальная культура Осетии», изданная Северо-Осетинским книжным издательством г. Орджоникидзе. В этой работе прослеживается развитие осетинской музыки с дореволюционного времени и до наших дней. Здесь интересна ее работа над складом историко-героических песен и музыкально-поэтического творчества. Помимо эпических повествовательных жанров в работе имеется изрядное количество других песен, отражающих трудовую жизнь людей, их быт и обычаи. Ксения Григорьевна очень тонко и доходчиво анализирует многообразие песенных жанров, которые так или иначе связаны с осетинским фольклором.

Более 30 лет занималась Ксения Григорьевна богатейшим музыкальным наследием своего родного края, работая как ученый-исследователь, музыкальный критик, педагог и просветитель. Все, что связано с осетинской культурой — вопросы истории, стилистики, исполнительства, фольклора и профессиональной музыки, так или иначе, становилось предметом внимательного исследования. Большой талант, дерзкая пытливость и преданность своей профессии, умение прочувствовать национальную музыкальную культуру, нестандартное анали-

тическое мышление определили ее место в музыкальном мире Осетии, как одного из первых профессиональных музыковедов.

Ксении Григорьевне и Василию Ивановичу всегда было интересно друг с другом. Ведь музыка и язык всегда взаимодействуют. Васо говорил, что «формула Бога, Земли и Добра записана в музыке». Часто они, два профессионала, по-доброму спорили, но всегда находили точки соприкосновения. Другим, ученикам, да и просто случайным знакомым всегда было интересно беседовать с ними о языкознании и искусстве. В таких диспутах-беседах совершенно очевидно становилось значение культуры, как некоего общего пространства, существующего независимо от географических, временных и национальных рамок.

Часто разговоры сводились к музыке, и Ксения Григорьевна всегда подчеркивала моральную, нравственную и этическую сторону воздействия музыки на внутренний мир человека. Потому они и потянулись друг к другу, эти два неординарных человека, что почувствовали некую общность в том, как откликаются их сердца на те или иные аспекты жизни и творчества, как вспыхивают они от соприкосновения с красотой, как наполняются стремлением создать нечто важное и прекрасное и подарить это окружающим.

Некоторые перечисленные мной здесь работы

Ксении Григорьевны входят в число подробных профессиональных исследований, которые положили основу научному изучению осетинского фольклора и долго, надеюсь, еще будут служить полезным материалом для музыковедов.

Музыковед Т. Батагова писала в своей работе: «Талантливый исследователь и мудрый педагог. Ксения Григорьевна была человеком широких профессиональных интересов. Ей по праву принадлежит первенство в глубоком научном изучении и осмыслении осетинского музыкального фольклора». Вот основные работы Ксении Григорьевны, написанные за время ее творческой деятельности: «Музыкальная культура Осетии», «Об осетинских героических песнях».

Эта работа имела целью в известной мере восполнить пробел, имеющийся в вопросах исследования песенного творчества осетинского народа. Здесь автор пытается дать тщательный анализ стиливых черт одного из наиболее популярных песенных жанров — героических песен. Определяя идейное содержание большинства героических песен, над которыми работала Ксения, Василий Иванович писал: «Борьба за личность, за ее национальное, общественное и индивидуальное достоинство, против угнетения и унижения, против ущемления ее прав, против насилия над нею — вот господствующий дух песни, источник ее героического пафоса, согревающее ее пла-

мя»¹. «Никто, насколько мне известно, не оспаривал теорию Ксении Цхурбаевой о рождении героической песни из обрядового погребального плача»².

В своей диссертации Ксения Григорьевна продолжила глубокое исследование осетинских героических песен. В 1959 г. выходит в свет третья работа — «Некоторые вопросы осетинской народной музыки», в которой автор ставит своей целью дать характеристику наиболее распространенным в быту песенным жанрам, выявить путем анализа некоторые типические музыкально-выразительные средства осетинских народных песен, их ритмические, интонационные, структурные и ладовые особенности, а также указать на специфическую черту стихосложения песенных текстов. Работа не претендовала на освещение всех вопросов, касающихся изучения героических песен, но, тем не менее, представляет большой интерес для музыковедов. В книге затронуты такие темы музыкальной культуры, как история, стилистика, фольклор, профессиональная музыка, исполнительство.

В работах Ксении Григорьевны есть серьезные исследования — это попытка провести параллели и сравнительный анализ народного творчества Осетии и Абхазии, Осетии и Кабардино-Балкарии, который был проведен в работе «О напевах Осетинских Нартовских сказаний», опубликованной в книге «Сказание о нартах».

Вместе с тем, Ксения Григорьевна не прекращает следить за развитием современного музыкального творчества осетинских композиторов и в 1960 г. издается небольшая работа «Творчество композиторов Осетии». В книге прослеживается деятельность П. В. Мамулова (1881-1929 гг.), как музыканта-этнографа, педагога, и популяризатора народной осетинской музыки, творчество В. И. Долидзе (1890-1933 гг.) — собирателя музыкального фольклора, музыкальное наследие заслуженного деятеля искусств Северо-Осетинской АССР — А. Аликова, многие произведения и обработки народных песен которого исполнялись ансамблем. Отмечено в книге новое поколение композиторов, среди них Л. Кулиев, Х. Плиев, И. Габараев и др. Здесь же она упоминает о симфоническом творчестве Л. Кулиева, Т. Кокойти, В. Карницкой.

Хочу отметить еще одну работу Ксении Григорьевны, изданную в сборнике «О композиторах Российской Федерации», — «О композиторе И. Габараеве». В работе Ксения Григорьевна отображает широкое полотно творчества Габараева в тесной связи с современными осетинским и русским музыкальными искусствами и проводит музыкально-теоретический анализ его произведений, уделяя большое внимание новаторству и самобытности его творчества.

В течение ряда лет Ксения Григорьевна пи-

сала очерки об осетинской музыке по заказу Всесоюзного Института истории и искусств, вошедшие в многотомное издание «История музыки и народов СССР». Для этого издания ею был проведен обзор творчества осетинских композиторов за 30-летний период, с 1946 по 1977 г. В своей работе Ксения Григорьевна подвергла серьезному анализу ряд произведений разных жанров — от песни до симфонии. Это подтверждает, что Ксения Григорьевна, как музыковед, профессионально сочетала исследовательское творчество с публицистической деятельностью. Работы ее были опубликованы издательствами «Музыка», «Советская Энциклопедия», «Наука», «Советский композитор». Последующие работы представляют собой серьезный разбор и анализ осетинской танцевальной музыки — «Осетинские танцы и танцевальная музыка» (г. Москва). В 1961 г. было написано предисловие к книге Л. Грикуровой «Осетинские танцы».

Учитывая ее творческие успехи, Ксения Григорьевна становится членом Союза композиторов Российской Федерации. Наряду с исследовательской работой Ксения Григорьевна вела и педагогическую работу в музыкальном училище Ипполитова-Иванова, затем преподавала в Московском институте культуры в должности доцента, где и проработала до ухода на пенсию.

Я не буду повторяться о том, что с 1960 г. ее жизнь была тесно связана с судьбой Василия Ивановича Абаева, и на протяжении 36 лет супружеской жизни она была его надежным другом и помощником во всех начинаниях. С 1961 по 1980 год Ксения Григорьевна регулярно ездила в фольклорные экспедиции в районы и города Северной Осетии и других республик Северного Кавказа, где находила и записывала уникальные образцы неисчерпаемого народного творчества. В статье «Ладовые основы лакских народных песен» она на основе сравнительного изучения музыкального фольклора народов Северного Кавказа вскрывает многонациональный характер народных мелодий.

Все, что связано с осетинской музыкальной культурой — вопросы истории, стилистики, исполнительства, фольклора и профессиональной музыки, так или иначе, становилось предметом внимательного научного исследования. Более 30 лет занималась Ксения Григорьевна богатейшим музыкальным наследием своего родного края, работая как ученый-исследователь, музыкальный критик, педагог и просветитель. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, за заслуги в области искусства, Ксении Григорьевне в 1991 г. было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Выйдя на пенсию, Ксения Григорьевна труди-

лась над сборником «Песни Иристана — памятни- ки осетинской народной музыки». В сборник должны были войти 70 записанных и нотиро- ванных песен. К сожалению, эту работу она за- вершить не успела. Горе грянуло неожиданно. Мы потеряли нашу дорогую Ксенечку. Она была предана земле на Родине, рядом с мамой, как и завещала.

Судьба подарила Ксении Григорьевне инте- ресную жизнь — педагога, музыканта. И счаст- ливую семейную жизнь с выдающимся ученым и прекрасным супругом Василием Ивановичем Абаевым. Тонкое, глубокое понимание жизни, общие цели соединили этих двух людей. Они потянулись друг к другу, почувствовав некую общность жизненных ценностей, взглядов на развитие науки и искусства. Сердца их всегда вспыхивали от соприкосновения с красотой, на- полнялись стремлением создать нечто важное и прекрасное и подарить это окружающим.

-
1. В. А. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. II.
 2. В. И. Абаев. Осетинские народные героические песни.

ЭПИЛОГ

Когда-то Василий Иванович полушутя, а то и на полном серьезе сказал: «О вашем тяжелом детстве и становлении можно писать роман». Я не думала, что когда-нибудь мне придется писать не роман, а это документальное повествование о моих дорогих людях, чтобы оставить воспоминания об их образах нашему народу. Потому, как прошло много времени с тех пор, как их нет с нами, я решила написать о самых близких и дорогих мне людях, попытаться передать теплые для меня образы, следы семейного общения, которые продолжались много лет.

Меня порой посещает чувство печали о том, что никогда больше не покажется в дверях на Новопесчанной улице высокая фигура Василия Ивановича. Никогда не услышишь уже его негромкого голоса, не увидишь его наполовину поседевшую голову, его пытливого, внимательного взгляда и не ощутишь теплоту и нежность Ксении Григорьевны, с которой они прожили 39 лет под девизом Василия Ивановича: «В жизни должны побеждать добро, любовь и красота».

На этом я закончу отрывки из хроники жизни Василия Ивановича и Ксении и думаю, мне как-то, хоть в общих чертах, удалось представить дорогих мне людей такими, какими они

были, и какими я знала их, общалась и любила. Вечная им память и хвала за все, что они оставили нам в наследие — патриарху мировой лингвистической науки Василию Ивановичу Абаеву и ученому-музыковеду, педагогу-просветителю Ксении Григорьевне Цхурбаевой.

Я еще раз хочу вспомнить всех тех, кто помог нам и принял теплое участие в трудные для нашей семьи дни. Прежде всего, Президента Ахсарбека Галазова, Казбека Дулаева, Азу Алмазову, Эльбруса Торчинова, Заиру Токаеву, Виссариона Тотрова, доцента кишиневского университета, приехавшего в Москву поддержать Василия Ивановича, Азу Цориеву, главного редактора московской газеты «Человек и право». Особая благодарность нашим коллегам — журналистам, которые поддержали нас в дни похорон, — Васо Малиеву, Камалу Ходову, Ахсару Кодзаеву, Валерию Гусалову, Зоечке Салагаевой, Союзу писателей, Союзу композиторов, Научно-исследовательскому институту. Спасибо Азе Хадарцевой, Верочке Уртаевой — артистке Северо-Осетинского драматического театра, Зое Дауровой, режиссеру телевидения и многим другим, кто провожал в 1996 г. в последний путь Ксению Григорьевну и в 2001 г. — Василия Ивановича.

Ксенки
с надеждой на крепкую дружбу
8/XII - 55
Москва .
Баев

15 x 21

Василий Иванович Абаев. 1955 г.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СО АССР

В. И. Абаев

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

*

РЕЛИГИЯ
ФОЛЬКЛОР
ЛИТЕРАТУРА

*Дорогой Взе
от Абаева*

19/xii-98

В. Абаев

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИР»
ВЛАДИКАВКАЗ
1990

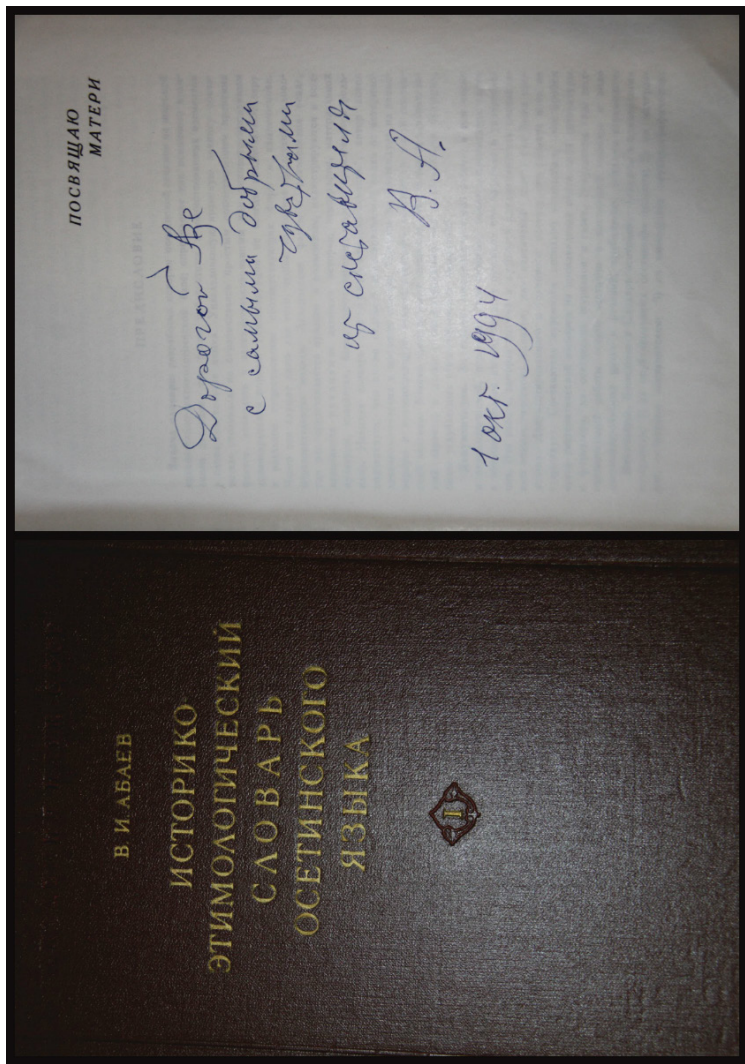
Дарственная надпись

*Москва-река. Василий Иванович на прогулке.
1959 г.*

*Мы с Ксенией – студентки.
В московском зоопарке. 1954 г.*

Дарственная надпись

К 90-летию

*Василий Иванович – студент.
Санкт-Петербург*

Ксения Григорьевна – аспирантка. 1963 г.

*Василий Иванович и Ксения в Кабардино-Балкарии.
Баксанское ущелье. 1961*

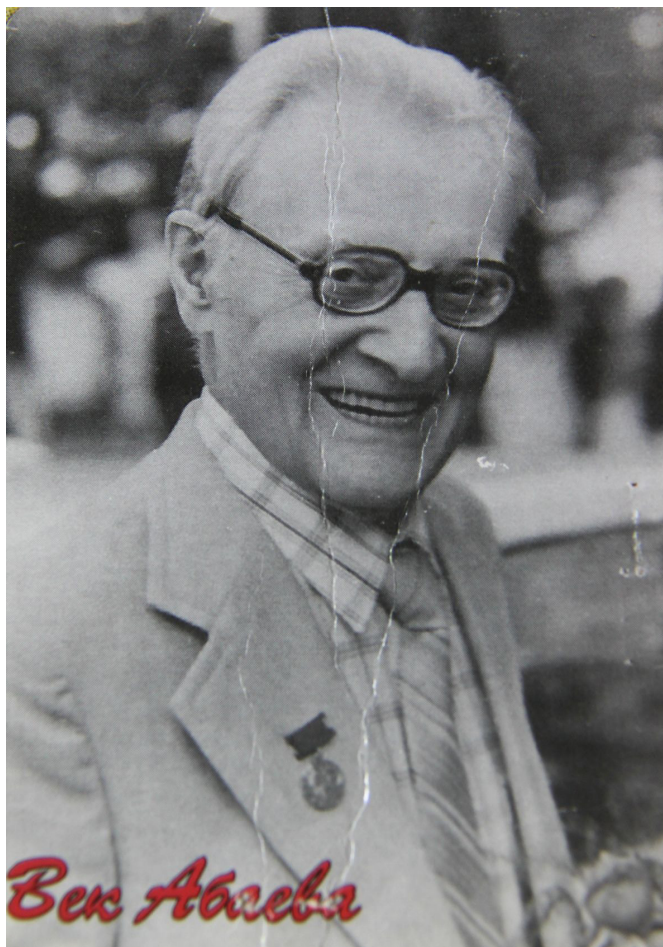
Азалия Цхурбаева. 1954 г.

*Кабардино-Балкария. По дороге в экспедицию.
1961*

Василий Иванович и Ксения дома. 1991 г.

Василий Иванович

Пешком через Рокский перевал. 70-е годы

Боржоми. 1984 г.

*Мы с Ксенией в экспедиции в сопровождении
главного редактора радио Ивана Токаева*

Мы – студенты. Москва. 1952 г.

*Азалия Григорьевна
Цхурбаева. 2009 г.*

Васо с супругой Ксенией

*Мы с Васо после юбилейного вечера в честь
95-летия*

*Зарина провожает
тетю Ксению и Васю
в Москву. 1974 г.*

Васю в бурке

*Ксения – студентка
Гнесинки. 1954 г.*

Ксения. 1968 г.

*Васо
в национальном
костюме у себя
в кабинете*

*Ксения
Григорьевна
за работой.
1990 г.*

На отдыхе

*В горах Осетии.
80-е годы*

С ЮБИЛЕЕМ!

Уважаемый товарищ Цхурбаева АГ.

Московское общество
осетинской культуры «ФАРН»
приглашает Вас
на юбилейный вечер,

посвященный 90-летию выдающегося советского
ученого, лауреата Государственной премии СССР,
лауреата Государственной премии Северо-Осетин-
ской АССР имени К. Хетагурова, почетного члена
Королевского Азиатского общества Великобрита-
нии, члена-корреспондента Финно-угорского науч-
ного общества в Хельсинки, заслуженного деятеля
науки ГССР и СОАССР, доктора филологических
наук, профессора

**ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА
АБАЕВА**

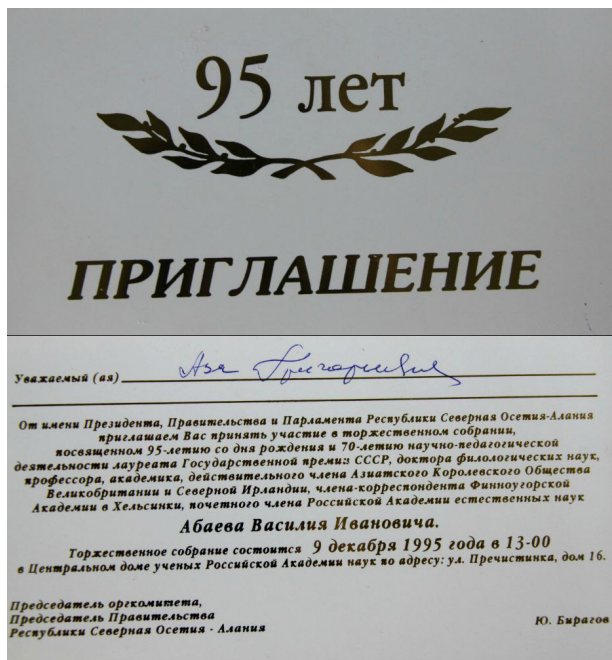
Вечер состоится **15 декабря 1990 г.** в Кинови-
деоцентре национальных кинематографий СССР
«Москва» (кинотеатр «Москва», пл. Маяковско-
го 2). Начало в 17.00.

Пригласительный к 90-летию

Василий Иванович в студенческие годы

Пригласительный к 95-летию

*Василий Иванович.
1955 г.*

Литературно-художественное издание

ЦХУРБАЕВА АЗАЛИЯ

**ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ
О ВАСО**

Ответственный редактор А.А. Туаллагов

Технический редактор *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*
Дизайн обложки *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 26.12.14
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Печать цифровая.
Гарнитура «Когиппа». Усл. п.л. 5,75
Тираж 100 экз. Заказ №112.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, Владикавказ, пер. Павловский, 3